

НУЖНА ЛИ СОЦИОЛОГИИ “БОЛЬШАЯ ТЕОРИЯ”?

Владимир Кавторин,
писатель

Этот вопрос естественно возникает при первом же знакомстве с новой работой Л. М. Семашко “ТетраСоциология: ответы на вызовы” (СПб., 2002), ибо она представляет собой попытку представить российской и зарубежной социологической общественности (книга одновременно вышла на русском и английском языках) именно такую теорию. Итак, прежде всего: нужна ли?

“Картина мира, картина жизни — она полностью отсутствует. Но ученым никто не связывает руки в том, чтобы объяснить себе, в первую очередь, и объяснить народу, стране картину происходящего в мире. Научной картины мира в стране сегодня нет... Это, в первую очередь, обществоведческая наука — философия, психология, социология, политология. Это — “долг наш тяжкий”, я считаю. За нами должно быть некоторое обязательство: научная картина мира должна быть представлена так же, как мы требуем от других людей представить продукт труда. Продукта труда науки сегодня нет”¹.

Это горчайшее для человека науки признание было сделано проф. А. Юрьевым совсем недавно, в ноябре 2002 г., на круглом столе в агентстве “Росбалт”. Оно, однако, не только не стало сенсацией, но и не вызвало возражений, т.е. было принято как очередная констатация всем хорошо известного. Действительно, подобные констатации мы находим едва ли не в любом серьезном сочинении, посвященном проблемам современной России и ее общественных наук.

“Привычные представления о социальной структуре оказались недостаточными для экономического, политического, идеологического анализа и прогнозов, давая искаженную картину общественной жизни, — пишет, например, известный петербургский философ Г. Тульчинский в своем капитальном труде “Постчеловеческая персонология” (СПб., 2002). — Вместе с тем реально действующие социальные силы оказались вне поля осмысления, как бы несуществующими². Поэтому ход и результат “революционных преобразований” для большинства аналитиков, пользующихся традиционными категориями, оказались неожиданными. Используемые схематизации ничего не смогли дать для прогнозов и возможных решений. Социология оказалось безоружной, несостоятельной уловить реальность, ограничиваясь своеобразной игрой ума”³.

Похожие констатации профессиональных социологов не стану приводить из экономии места — они у всех на слуху. Причем этот скептический взгляд на современную социологию рождается отнюдь не на фоне ее упадка: количество различных институциональных исследований и публикаций непрерывно растет, большинство из них пользуется явно выраженным спросом со стороны бизнес-менеджмента, политиков или общества. Однако в ситуации отсутствия общей социологической теории, вне понимания общего смысла и целей совершающегося развития, наше социальное зрение превращается в некое подобие стрекозино: мы видим множество фрагментов своего общественного бытия, ощущаем происходящие в нем стремительные перемены, но все это упорно не желает складываться в сколько-нибудь осмысленную картину.

Однако же, безусловно существующая в сознании как научного сообщества, так и — шире — в общественном сознании — тоска по общей социальной теории вовсе не означает еще интенсивных ее поисков, настойчивой разработки. Наоборот: подобная “тоска”, возникавшая в истории человеческой мысли далеко не единожды, сопровождается, как правило, изрядным скепсисом по поводу самой возможности такой теории, глубоким недоверием, с которым встречается всякая попытка ее создания. В нашей ситуации этот скепсис усиливается печальным опытом существования в недавнем прошлом официальной, обязательной для всех социологической теорией (марксизма), хотя и не сводится к нему. Как не сводится он и к постмодернистскому “деконструктивизму”, его принципиальному отказу “от тирании целого” от “вавилонских башен” глобальных социологических парадигм (Ж. Деррида). В этом отношении весьма характерно признание доктора социологии из Англии Бернарда Скотта, редактора английского издания книги Л. Семашко. “Моим первым впечатлением, — пишет он, — было то, что “ТетраСоциология” Семашко является великой “теорией всего”, закрытой для альтернативных формулировок”. Его отношение изменилось только после того, как он понял: автор ее “допускает, что не любая теория социального мира, адекватная реальности, должна быть “тетра” социологией”.

Опасения Б. Скотта совершенно понятны: роль любой общей теории, “теории всего”, в любой научной дисциплине всегда двойка. Она может служить как мощным катализатором

развития на этапе ее освоения и признания в конкретных исследованиях, так и не менее мощным тормозом — если приобретает статус “всем известной” и “почти обязательной” истины. К этому следует добавить, что именно “общие теории” чаще всего становятся предметом наукообразного жульничества и дилетантских упражнений.

Однако: если мы признаем появление общей социологической теории необходимым или хотя бы желательным (а научное сообщество кажется единым в таком признании), то всякая попытка в этом направлении должна быть встречаема не только со скепсисом, но — с интересом и некоторой надеждой. И тогда следующий вопрос в отношении книги Л. Семашко должен быть таким: может ли представляемая им теория “четырёхмерного социального пространства-времени” всерьёз претендовать на свято место “большой теории” в социологии?

Для предварительного ответа на этот вопрос, как мне представляется, необходимо принять во внимание несколько соображений.

Во-первых, это едва ли не единственная у нас попытка создания целостной теории функционирования общества. Во всяком случае наиболее развернутая, доказательная и, естественно, наиболее амбициозная.

Во-вторых, Л. Семашко на основе своей теории подготовил и представил на XV Всемирный социологический Конгресс 32 абстракта “в качестве возможных вариантов ответов на вызовы XXI века”, 9 из них были приняты различными секциями конгресса. 28% — неплохой показатель признания серьезности претензий новой теории.

В-третьих, ни одно из положений разрабатываемой Л. Семашко теории до сих пор никем не опровергнуто. Попытку, предпринятую в этом направлении М. Руткевичем⁴ нельзя признать ни удавшейся, ни даже серьезной, поскольку она основана на слишком неточном прочтении критикуемого автора. Основной пафос статьи Руткевича направлен против “попытки переноса представления физики о четырехмерном пространстве на социологию”, с чем трудно не согласиться. Однако, ни в цитируемой статье, ни в других сочинениях Л. Семашко я не встретил ни малейшей попытки такого переноса. Здесь проводятся аналогии, говорится о “некотором подобии”, но аналогии и уподобления вещь слишком отличная от прямой “трансляции” понятий, а потому вся дальнейшая аргументация М. Руткевича повисает в воздухе.

Разумеется, при знакомстве с теорией Л. Семашко, излагаемой им к тому же достаточно тяжеловесно, возникает множество вопросов, начиная с того, “почему именно четыре измерения, и почему они необходимы для этого социологического подхода, а не какие-либо еще” (*доктор социологии Бернд Р. Хорнунг, президент комитета по Социокибернетике Международной Социологической Ассоциации*). Но характерно, мне кажется, что зарубежные исследователи, задающиеся этими вопросами, в итоге не только признают правомерность построения четырехмерной модели социального пространства-времени, но и выдвигают собственные аргументы в ее пользу: д-р Скотт ссылается на А. Н. Уайтхеда, у которого “каждое “событие” (“социальное явление” у Семашко) имеет четыре аспекта: “протяженность”, “продолжительность”, “идею” и “цель”, а д-р Хорнунг отмечает, что обоснованием четырехмерности в эпистемологическом плане может служить “принципиальная дихотомичность человеческого мышления, которая является основой и аристотелевской логики и современных теорий различия. Комбинация двух дихотомий во взаимном наложении необходимо выливается в четырехмерную или четырехкратную структуру”. Ценный аргумент!

Таким образом, можно сказать, что предлагаемая Л. Семашко модель социального пространства-времени имеет под собой серьезное философское обоснование и способна порождать результаты, признаваемые международным социологическим сообществом. Этого мне представляется достаточным, чтобы сказать, что она заслуживает серьезного отношения и серьезной критики. Я, однако, не могу не согласиться и с В. Семеновым, который наскоро (в пол-абзаца) изложив несколько постулатов Семашко, заявляет, что “против этих построений возразить нечего, да и незачем. Главное, чтобы это все работало, давало выход в эмпирику”⁵. Воистину так! Это главный вопрос для оценки выдвинутой Л. Семашко теории социального пространства-времени. Он может быть решен только в результате серьезного обсуждения его работы профессиональными социологами. Не причисляя себя к сему уважаемому сообществу, я от таких суждений уклонюсь, хотя в общефилософском плане мне представленная Л. Семашко модель социального пространства-времени представляется и интересной, и продуктивной.

Увы, от обсуждения вопроса, им же объявленного главным, уклонился и В. Семенов, предпочтя построить свою рецензию по старому совковому шаблону, согласно которому

непонравившаяся теория не обсуждается по существу, а обвиняется в чем-нибудь нехорошем, чаще всего в ангажированности некой враждебной или по крайней мере чуждой нам силой. Пересказав два опубликованных в рецензируемой книге Семашко проекта — “Плюратеизм — синтез религий” и “Мирный Иерусалим”, — он делает вывод об “ангажированности Льва Семашко этим религиозным движением”, и даже о том, что эта-де “ангажированность носит не только идеологический характер”.

Я не хотел бы комментировать подобные обвинения одного ученого в адрес другого, поскольку они лежат где-то очень далеко за гранью любой науки. Замечу только, что из тех же “проектов” Л. Семашко (автор, впрочем, оговаривает их “гипотетический” характер) для меня очевидно нечто другое, хотя, вероятно, также не слишком лестное для авторского самолюбия: проекты эти свидетельствуют прежде всего о весьма поверхностном знакомстве их автора с историей религий и наивности его представлений о психологии верующих (так, его особая надежда на веру Бахаи зиждется только на признании ею “права на жизнь всех религий, как относительных видений Бога, “как граней одной истины””(стр. 117)). Вообще некоторые из представленных в этой книге проектов, на мой взгляд, не столько свидетельствуют о “проективном” характере теории Семашко, сколько сами носят явно провокативный характер. Предлагаемая коллегам более чем оригинальные воззрения по ряду проблем, автор как бы намеренно “дразнится” и “подставляется”. Такой метод пропаганды для серьезной теории лично мне представляется контрпродуктивным.

Таким образом, приходится констатировать, что призыв Б. Хорнунга “вернуться лицом к ТетраСоциологии и вступить с ней в диалог” пока что не услышан на родине автора этой теории. А жаль! Ведь если даже предположить, что серьезное профессиональное обсуждение предлагаемой Л. Семашко модели социального пространства-времени выявит какие-то ее коренные пороки⁶, то оно все равно было бы чрезвычайно полезно как стимулятор разработки иной “общей теории” социологии, в которой так остро нуждаются не только социологи (многим из них как раз таки спокойней и уютней в отсутствии такой теории), но и все общество, желающее понимать смысл происходящих в нем процессов.

¹ Цит. по: “Час пик” № 47 (253), с. 5.

² А вот что пишет Л. Семашко об одном из главных, как он считает, своих открытий, о “сферных классах”: “Сферные классы до сих пор **существуют как стихийные и природные силы, чуждые и неизвестные человеку**, скрытые от него в непознанных глубинах общества” (Л. Семашко “ТетраСоциология: ответы на вызовы”. СПб., 2002, с. 88). Совпадение, согласимся слишком острое и любопытное, чтобы так просто отмахнуться от вопроса, чем собственно являются “сферные классы”, настоящим открытием или всего лишь “социологическим миражом”?

³ Тульчинский Г. “Постчеловеческая персонология”. СПб., 2002, с.372.

⁴ Руткевич М. “Естествознание и социология. О правомерности трансляции понятий”. // “Социологические исследования”. 2002, № 3, с. 12-18.

⁵ Семенов В. “ТетраСоциология Льва Семашко: новая песня на старый лад” // “Телескоп”, 2002, № 5, с. 46-48.

⁶ М. Руткевич счел ТетраСоциологию столь же “тупиковой ветвью” научных исследований, сколь и “новую хронологию истории” Ф. Фоменко и Г. Носовского. Сравнение, по-моему, несправедливое, но — допустим! Стоит, однако, напомнить, что антинаучность “исторических изысканий” этих двух математиков, успевших завоевать популярность у широкой публики, была доказана в результате очень серьезного обсуждения их работ с участием таких историков, как О. В. Творогов, М. Б. Свердлов, А. А. Зализняк, С. В. Белецкий и др., отнюдь не обвинявших математиков в “ангажированности”, но подвергших их методы очень серьезной критике.

Кавторин Владимир Васильевич.

E-mail: vlad@acb.spb.ru